

Дарья Лукешина

ВОСКРЕШЕННАЯ

18+

Дарья Лукешина

Воскрешенная

«Автор»

2026

Лукешина Д.

Воскрешенная / Д. Лукешина — «Автор», 2026

Жизнь Ники разделилась на "до" и "после" сразу после того, как она шагнула на проезжую часть, надеясь спасти призрака. Один миг лишил ее жизни и дал взамен Ангельский чин и безнадёжного подопечного в качестве бонуса. Только вновь обретенная возможность быть среди живых не продлилась долго. Одно неловкое обещание - и вот она уже Воскрешенная, а по ее следу идет Посланник Ада... Спасение души, опутанной печатями Света и Тьмы; противостояние Ангелов и Демонов; разрыв реальности и угроза всему живому. От автора: Старт: 20.06 График выхода глав: ВТ / ЧТ / СБ

© Лукешина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	7
Ника	7
Глава 1. Ника	14
Глава 2. Драган	21
Глава 3. Ника	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дарья Лукешина Воскрешенная

ПРОЛОГ

— Можно личный вопрос? — мужчина поправил простыню на своем теле и сел на кровати, облокотившись на стену.

Ника сидела на столе напротив, обнимая одну ногу и покачивая в воздухе второй.

— Ты лежишь голый в моей постели. Думаю, это дает тебе право на личные вопросы, — в голосе прозвучала усмешка, однако лицо осталось непроницаемо спокойным.

— Если бы тогда ты не умерла, какой была бы твоя жизнь сейчас? — он склонил голову набок и сжал губы в ожидании ответа.

Задумавшись, она подтянула к лицу второе колено. Ее длинные темные волосы разметались по обнаженным плечам. Ответ крутился на языке, но отвечать девушка не торопилась. Ей нравилось наблюдать за его ожиданием. Мужчина был спокоен, его черные глаза грели ее душу, хотя сама она не была уверена в том, что душа у нее все еще есть.

— Неужели все так сложно? — наконец спросил он, мягко улыбаясь.

Она не удержалась и улыбнулась в ответ.

— Когда я была жива, — начала Ника, но вдруг запнулась, подбирая подходящие слова. — Знаешь, тогда я не думала о смерти. Потом я умерла, — она снова замолчала, он не спускал с нее глаз. — И мне казалось неуместным думать о жизни. Я правда не знаю, в чем заключается жизнь. Ведь сейчас здесь мы с тобой дышим, разговариваем и вроде даже живы

— Мы не живы, — перебил он, слегка нахмурившись.

— Да, знаю, — устало согласилась она. — Они вернули меня, они позволили тебе прийти ко мне, но есть что—то наше, что они оставили себе. И без этого мы не можем жить.

Девушка многозначительно цокнула языком и ткнулась носом в свои колени.

— Это не конец, — извиняющимся тоном добавил мужчина, закинув руки за голову.

Ей захотелось соскользнуть со стола, забраться под простыню и зарыться пальчиками в его густые черные волосы. Вместо этого она склонила голову, как это ранее сделал он, и ободряюще улыбнулась.

— Я не боюсь, — шепнула она.

— И все—таки, если бы ничего этого не случилось, чем бы ты жила? Ведь у тебя была мечта? — он знал все о ней, но ему хотелось слышать ее голос снова и снова.

— Ты все знаешь, — упрек звучал абсолютно безобидно.

— Хочу услышать от тебя.

— Я уехала бы к морю. На край света. Туда, где никто обо мне не знает, где я смогла бы начать с чистого листа. Так что, если однажды ты меня потеряешь — тебе будет нелегко отыскать меня снова, — она пожала плечами, и длинный локон скатился с плеча на спину. — А ты? Что было бы с тобой тогда, если бы ты не умер?

Он знал ответ на этот вопрос с тех самых пор, когда впервые увидел ее.

— Если бы для того, чтобы найти тебя, мне пришлось умереть, я умер бы тысячу раз. Остальное неважно.

— Когда все закончится, — шепотом начала Ника, опасаясь даже думать о том, что им придется расстаться.

Тот, с кем ее связала судьба, ответил, не страшась:

— Встретимся на краю света.

Глава 1

Ника

— Боишься? – усмехается незнакомый голос.

Слишком темно, чтобы понять, где я и с кем я. Опускаюсь на колени и упираюсь ладонями в твердую шершавую поверхность, тяжело глотая пыльный воздух.

— Ответь мне, — требует голос в темноте.

Я приподнимаю голову и широко раскрываю глаза навстречу окружающей меня пустоте. Ощущение собственной беспомощности отзывается дрожью в ноющем от боли теле.

— Кто ты? — говорить тяжело, будто у моего голоса садится зарядка.

— Не видишь меня?

Раздается щелчок, и темнота неспешно покидает поле моего зрения, уступая место фиолетовому зареву ночного неба. Поднимаюсь с колен и делаю несколько шагов вперед, оказываясь у края крыши высотного здания. Бросаю мимолетный взгляд вниз. Этажей пятнадцать, не меньше. Где-то внутри сжимается сердце. Ватные ноги отказываются держать меня, и я опускаюсь на поверхность крыши, вцепившись побелевшими пальцами в бортик, отделяющий меня от холодной пустоты осеннего неба.

Вдалеке слышны вопли. Жуткие. Нечеловеческие. Все еще не понимаю, где я: во сне, в незнакомом прошлом или на грани пророчества.

— Нравится? — вдохновенно шепчет голос за моими плечами.

Неспешно оборачиваюсь, желая и в то же время опасаясь встречи с невидимым собеседником, как вдруг все исчезает.

Я снова открыла глаза и обнаружила себя на кровати в родной комнате, озаренной нежным летним рассветом. Еще несколько минут я не могла оторваться от созерцания трещинки на потолке, пока пыталась воссоздать в голове детали сна. Неприятная слабость охватила тело, приковывая его к холодной постели.

Окно было распахнуто настежь. Июньская свежесть холодила тело тысячами мелких иголок. Хотелось съежиться, но я не могла заставить себя пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, когда мерзкая липкость после страшного сна отпустила мое тело, и я наконец пришла в себя. Стянув с себя невидимую паутину, я аккуратно села на кровати. Тело с неохотой реагировало на приказы мозга.

Собравшись с мыслями, я поднялась и подошла к окну. Вид с седьмого этажа сильно уступал по силе воздействия на подсознание виду из моего сна, однако я почему-то вцепилась в подоконник, всматриваясь в крыши соседних пятиэтажек. Странное ощущение не покидало меня. Мне и раньше снились неприятные сны, но только сейчас все было настолько реально, что я потеряла контроль над собственным разумом и телом. Более того, мне по-прежнему мерещилось чье-то присутствие.

Я внимательно осмотрела комнату. На столе у окна разбросаны бумаги, вероятно, потревоженные ветерком из раскрытого окна. Мерно мигает синим кнопка монитора. Часы на полке выше стола толкают стрелки к пяти часам утра. От рабочего стола перекинула пристальный взгляд на кровать у стены. Ничего необычного, кроме постели, смятой так, будто эту ночь я провела в ней не одна. Шкаф возле кровати угрюмо посмотрел на меня в ответ сквозь высокие зеркала. На пару секунд я задержалась на своем отражении.

В длинной белой футболке бывшего парня я отчасти напомнила себе пациентку психиатрической лечебницы. Растрепанные темные косы, как и постель, намекали на мое беспокой-

ное поведение этой ночью. Столкнувшись с собственным взглядом в отражении, я вздрогнула и тут же отвела глаза, признавая победу двойника, усмехающегося мне из зазеркалья.

Я осмотрела кресло и книжную полку справа от окна и поймала себя на мысли, что давно не протирала пыль в этой области комнаты. Я тихо подошла к полке, уходящей вверх под самый потолок. Пробежавшись пальцами по пыльной деревянной поверхности, я уперлась в настольный светильник. Читая в кресле, я всегда направляла его так, чтобы свет падал из-за моего плеча на страницы книги. Сейчас светильник был изогнут так, будто прошлой ночью я читала, сидя на полу у кресла, чего я не делала, если, конечно, моя память верна мне. Полка выше еще со школьных лет была отведена под любимые фотографии. Я осмотрела каждую рамку, снова и снова переживая моменты, запечатленные на снимках.

Вот мама улыбается, сидя на сочной зеленой траве где-то в лесу недалеко от города, - это наш первый совместный выходной после моего выпускного в школе. На следующем снимке я впервые встала на ролики и была так неуклюжа, что мой близкий друг не мог этого не запечатлеть. А вот и фото этого друга: мой дорогой Пашка, сжимающий меня в своих крепких объятиях на этом черно-белом снимке. Это фото всегда вызывает ностальгию по университетским денькам, когда мы с ним были неразлучны. А сейчас его супруга считает меня опасным объектом, которому не рекомендуется приближаться к их браку. Так смешно и так больно одновременно.

Я перешла к следующей фотографии и застыла. Одного снимка в рамке не хватало. Фото, на котором я стою в белом платье и с полевыми цветами в волосах, куда-то пропало. Я внимательно пошарила рукой в пространстве между полкой и книжным рядом, но ничего не нашла. Я еще раз осмотрела всю комнату, фотографии нигде не было. Ничего, позже спрошу у мамы. Вероятно, она взяла ее для какой-нибудь особо важной миссии.

Из размышлений меня выдернул резкий звонок в соседней комнате. Мамин будильник настойчиво верещал еще несколько секунд, пока мама не хлопнула его по металлической крышечке. Пять двадцать. Теперь мое утро официально началось.

Уже через пару минут в комнату проник аромат крепкого кофе, и я, словно ведомая им, на цыпочках направилась на кухню.

Мама наполовину высунулась в раскрытое настежь окошко, торопливо докуривая тонкую сигаретку. Сквозь окно в кухню прошмыгнул едкий сигаретный дым вперемешку с запахом мокрой травы, доносящимся откуда-то снизу.

— Разве ты не бросила? — мой укор отточенным лезвием гильотины разорвал тишину, царящую в кухне.

Застигнутая врасплох, мама поперхнулась дымом и, откашлявшись, слезла с подоконника. Избегая смотреть мне в глаза, она начала предпринимать бурную деятельность по приготовлению бутербродов на завтрак.

— Мам? — я присела на стул прямо за ней, ожидая ответа.

Мама повернулась ко мне и, с видом нашкодившего ребенка поправив выбившуюся из пучка белокурую прядь волос, виновато пробормотала:

— Я бросила. Почти, — она тяжело вздохнула. — Это все нервы. Мне снился плохой сон, — оправдалась она.

Я сделала глоток кофе из ее чашки и понимающе кивнула, на время забыв о проблеме курения в нашей маленькой семье.

— Да, мне тоже сегодня кошмарилось, — на выдохе согласилась я.

— Это из-за духоты, — предположила мама. — Хорошо, что жара спала. Сегодня обещают грозу.

Она включила радио, и комнату наполнили звуки поп-новинок этого лета. Я нехотя закинула в себя небольшой бутерброд с маслом и джемом и выпила половину чашки кофе, который мама приготовила для себя.

— Есть собеседования на сегодня? — спросила мама, старательно впихивая куриную котлету в пластиковый контейнер.

Вопрос собеседований стоял как нельзя остро. Впрочем, не острее, чем все остальные вопросы моей жизни. Но обо всем по порядку.

— Нет, пока ничего не намечено, хотя я открыта к предложениям, — я натянула бодрую улыбку, но мама, уловив фальшь, нахмурилась.

— Мне жаль, что все так вышло, — она склонилась надо мной и чмокнула меня в лоб. Запах сигарет и кофе на секунду затмил мое обоняние.

— Все нормально. Бог бережет меня для лучшего начальника и лучшего парня, — отмахнулась я.

Мама закончила завтрак и отлучилась в душ. Прихватив оставшуюся половину кофе, я вернулась в свою комнату. По привычке села на подоконник, глубоко вдыхая утреннюю прохладу и рассматривая очертания церквей и многоэтажек вдаль.

Жизнь действительно приобретала какой-то непонятный цвет. Какой цвет олицетворяет то, что в командировке меня пытался изнасиловать мой руководитель, а в это время жених на нашей постели познавал эрогенные зоны моей подруги? Кажется, это что-то коричневое. Да, определенно коричневое. И не имеющее никакого отношения к шоколаду.

Я поморщилась, вспомнив события последних двух месяцев. Наверное, я вполне пережила бы то, что случилось в Каире. В конце концов, я поняла, что в момент паники напрочь забываются все приемы самообороны и в ход идет все, чем можно ударить. Мне здорово помогла дорогая пепельница. Спасибо дизайнерам отеля и, конечно, самому Громову за то, что он курит. Наверное, именно из-за него я теперь начинаю терять самообладание, когда моего обоняния касается сигаретный дым.

В голове промелькнули картинки той ночи в люксе отеля. Я принесла Громову документы по закрытой этим же вечером сделке. Номер был открыт, я вошла и осмотрелась. Нетронутая постель; костюм, брошенный на пуф. Я прошла вперед в поисках начальника.

Приглушенный свет и расслабляющая музыка сразу заставили меня напрячься, но не успела я распознать где-то внутри инстинкт самосохранения, как из ванной позади меня вышел Громов с полотенцем на поясе. Одним движением руки он захлопнул входную дверь и направился ко мне.

— Весь вечер этого хотел, — он с силой прижал меня к стене, свалив попутно вазу с цветами.

Холодная вода полоснула ноги, и мой мозг очнулся. Я уперлась рукой в грудь Громова, по-овечьи бляя о том, что не понимаю, чего он хочет. Такое поведение шефа действительно было для меня сюрпризом. За два года, что я провела в его офисе в качестве личного помощника, он ни разу не подал ни малейшего признака интереса к моей персоне. Я знала его жену, его детей. Я видела, с каким трепетом он относится к своей семье.

— Константин Викторович, я принесла документы, — дрожащим голосом выдавила я, уворачиваясь от его поцелуев. В ответ на это он лишь громко рассмеялся и, кажется, завелся еще больше.

Бумаги посыпались на пол, я пыталась оттолкнуть мужчину, но тщетно — я слишком сильно уступала ему в габаритах.

— Расслабься, тебе понравится, — пьяно шептал он, облизывая мою шею и крепко сжимая запястья.

— Я буду кричать, — предупредила я и глубоко вдохнула, чтобы крикнуть, однако в эту же секунду в мое лицо прилетела хлесткая мужская пощечина.

Кажется, на мгновение я даже отключилась. Погас свет, и стихла музыка, но я четко осознавала, что мое тело, будто куклу, кинули на кровать. Я чувствовала, как чужие руки рвут на мне блузку и грубо сдавливают грудь. Шок после удара начал сходить, и я снова могла все

видеть и даже владеть своим телом. Попытавшись выгнуться, я нарвалась на очередной удар – на этот раз менее сильный.

Громов отвлекся на молнию на моей юбке, а я нашарила пепельницу на прикроватной тумбе и, собрав в трясущийся кулак всю свою заячью смелость, ударила мужчину по голове. Его тело обмякло, прижав меня к кровати. Дрожа и всхлипывая, я сдвинула его и смогла выбраться.

У меня не было никакого желания проверять, жив он или нет. Я выскочила из номера и уже через несколько часов я нервно озиралась по сторонам, стоя под табло в аэропорту. Мне казалось, что сейчас он выскочит из-за толпы пассажиров и, окровавленный, укажет на меня пальцем. К слову, на мне все еще была рваная блузка и пленка его грязных поцелуев.

Плотнее укутавшись в легкий плащ, я снова уткнулась в расписание на табло. Уже через час я буду в самолете, где он меня не достанет. А еще через пять часов я рухну в объятия жениха, расплачусь и расскажу все. Он, конечно, разозлится и непременно отомстит за меня. Увы, тогда, сидя в самолете и мечтая о каменной защите любимого, я еще не знала, что эта ночь никогда не закончится.

А вот кофе в моей чашке закончился быстро. Я проводила маму на работу, пообещав ей не сидеть на подоконнике у открытого окна и взяв с нее ответное обещание не курить в течение дня.

Окунувшись в неприятные воспоминания, я снова ощутила на себе всю ту грязь, потому с подоконника я переместилась в теплую ванну с пеной. Лежа в воде, я уже не могла бороться с воспоминаниями. Ступишь туда одной ногой – погрязнешь весь.

В памяти всплыл один момент. Я так же лежала в ванне, перебирая пальцами пену, а рядом на перевернутом ведре сидел мой тогда еще любимый человек. Артем читал что-то об открытии многомиллионного бизнеса практически с нуля, а я разглядывала его светлую кудрявую шевелюру, морщинки на лбу и плотно сжатые губы, и меня устраивало абсолютно все – скрипучий диван, стул без спинки, ванная с местами обвалившейся плиткой и прочие прелести съемной квартиры класса «подшевле». Мне нужен был только Артем со всеми его бредовыми идеями и любовью к неглаженным футболкам.

В сердце что-то шевельнулось, и по щеке прямо в воду побежали слезы. Так же устало плача, я ехала ранним утром в такси из аэропорта. Грязная, пахнущая алкоголем и дорогим мужским парфюмом, я с трудом поднялась на пятый этаж и нашарила ключ на дне сумки.

Тяжелая дверь бесшумно открылась, и я вошла. С порога я ощутила запах благовоний, тянущийся откуда-то из спальни. Скинув верхнюю одежду, я прошла в комнату, стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить и не напугать Артема, который знает, что я должна вернуться только через пару дней.

Однако на пороге комнаты мне пришлось остановиться. В моей постели, освещенные бледным рассветом, лежали голые тела моего Артема и моей Марины. Я застыла, не зная, как реагировать. Слезы, кажется, уже кончились. Сказывалась усталость. Я подошла ближе и, взяв одеяло за уголок, стянула его на пол.

Первым проснулся Артем. Он протер глаза и уставился на меня, пытаясь понять, реальность это или сон.

— Ника? — не веря своим глазам, спросил он.

Я только пожалала плечами и осуждающе покачала головой. Слов было много, но они будто столпились в ком где-то посреди глотки, не давая мне ни говорить, ни дышать. Дрожь снова охватила тело, и я, шатаясь, направилась к выходу из квартиры. Я слышала скрип того самого дивана, голос Марины, мат Артема и что-то еще.

— Ника, подожди, — в коридоре появилась Марина, укутанная в простыню с глупым цветочным узором. Всегда ненавидела это постельное белье.

Марина подошла ближе, пряча глаза за длинной челкой.

— Ты же знаешь, что я его со школы люблю, а он тебя выбрал, — оправдывалась она.

Я осмотрела ее, стоящую передо мной в простыне, с растрепанными рыжими волосами, и вдруг истерически рассмеялась. Пока там, в вонючем номере отеля, я терпела приставания пьяного урода, здесь Артем защищал Марину от одиночества и неразделенной любви.

Что было сил, я хлестнула Марину по щеке. Бить в этот вечер мне удавалось особенно хорошо. Моя бывшая подруга вскрикнула и разрыдалась. Из комнаты вышел Артем. Кажется, он что-то говорил о любви, но кто и кого любил, я уже не слышала. Мою любовь предали, а чужая меня не интересовала. В рваной блузке и грязной юбке я вышла навстречу просыпающемуся городу. В тот самый момент мне хотелось исчезнуть навсегда без возможности видеть, слышать, чувствовать и помнить. Но я лишь поймала такси и вернулась к маме.

Пока я оплакивала свое недавнее прошлое, вода в ванне остыла. Я вылезла из ванны, случайно глянув в зеркало, остановилась и осмотрела себя. За эти месяцы я похудела на несколько килограмм, и теперь вместо стройной спортивной девушки в зеркале видела измученную барышню. Кажется, труп невесты – уже не просто образ на Хэллоуин.

Ярко-голубые глаза стали казаться еще больше и холоднее на фоне высоких скул и впалых щек. Несмотря на популярность худобы, меня не порадовали такие перемены. Я выглядела сломленной внутри и снаружи.

Я распустила стянутые резинкой волосы, расчесалась и на скорую руку заплела некое подобие косы, спадающей на одно плечо. Я уже знала, куда направлюсь.

Пошарив в шкафу с одеждой, я достала спортивные брюки и свободную толстовку, доставшуюся мне от Артема. Знаю, стоило бы избавиться от его вещей, но, кажется, я все еще испытывала зависимость от запаха порошка, которым всегда пахло в ванной нашей съемной квартиры.

Забавно, но все происходит именно так: нас больше не интересует жизнь человека, который когда-то был очень близок, но мы продолжаем цепляться за моменты, связанные с ним. Его запах, его одежда, его любимая музыка в моем плеере, его чашка и мои слезы в ней. Как бы больно это ни было, я еще не готова оторвать от себя воспоминания. Возможно, это единственное, что пока еще держит меня и не дает рассыпаться под натиском растущей внутри пропасти.

Наспех запихнув незавязанные шнурки в кроссовки, я вышла из дома. Огромный город уже проснулся, хотя спал ли он? Толпы спешащих людей, машин, трамваев, звонков и поступков. Мы не выбираем время для нашей жизни, она делает это сама. Ей плевать, что ты только что проснулась и еще даже не завтракала, она уже спешит подложить очередную свинью на твоем пути.

Возможно, подобные мысли покажутся мрачными, однако это именно то, что я видела вокруг себя. Нереализованные желания, подавленные чувства, потраченное время. Я нарочито медленно шла, раздражая этим тех, кто раз за разом врзался в меня грузным телом или острым плечом.

Я скрыла лицо под капюшоном и нырнула в остановившийся автобус. Признаться честно, я даже не знала номер маршрута, просто была уверена, что он привезет меня туда, куда мне больше всего было нужно. Судя по средней наполненности салона, маршрут был не самый популярный и явно не вел в центр мегаполиса. Тем лучше. Я осмотрелась и присела на одиночное сиденье в самом начале салона. Все это время меня не покидало ощущение липкого внимания, направленного на мою персону.

Я скинула капюшон и обернулась. С соседнего сиденья на меня пристально смотрел крайне странный мужчина лет пятидесяти. Его угловатую фигуру скрывал длинный потертый плащ грязно-коричневого цвета, спутанные темные волосы обрамляли острое небритое лицо, узкие холодные глаза смотрели сквозь меня. Нельзя сказать, что подобный спутник не напугал меня, однако моя озлобленность на окружающий мир сыграла на руку, и страх никак не отразился на моем лице.

— Проблемы? — в лоб спросила я, на всякий случай сжав кулаки.

— Проблемы у тебя, если ты меня видишь, — мужчина усмехнулся и подмигнул мне.

— Что вы имеете в виду? — я немного опешила, но кулаки так и не разжала.

— Даже немного жаль тебя, — ничего не объяснив, он учтиво поклонился и вышел из остановившегося автобуса.

Только автобус тронулся, я соскочила с места, чтобы посмотреть на мужчину на остановке, но, увы, он уже скрылся из виду. Я осмотрелась. Девушка, сидевшая позади меня, должна была видеть бродягу, однако она была увлечена своим телефоном, поэтому я решила, что с нее нечего взять. Среди ее волос виднелись провода наушников, значит, разговор она тоже не слышала.

Я тряхнула головой и глянула в окно. Это место было мне знакомо. Более того, это было именно то место, в котором я нуждалась сейчас. Я вышла из автобуса и присела на скамейке около остановки. Мне просто нужна была минута, чтобы прийти в себя после загадочной встречи.

Наконец, списав все на сумасшествие бродяги, я поднялась, оттряхнула брюки и направилась по дороге туда, куда вела меня память. Меня окружали небольшие домики деревенского типа, растущие на окраинах многих крупных городов. Я помнила, что там, за этими домиками, меня ждет место, в котором я не была с тех пор, как десять лет назад из семьи ушел отец. Сейчас мне уже не тринадцать, и идти в одиночку по незнакомой дороге не так страшно. Когда мне хотелось сбежать от всего, что меня пугало, — ноги сами вели меня сюда. В наше с отцом тайное место.

Теперь спустя столько времени, я снова оказалась около старого заброшенного всеми пруда. Ничего не изменилось с тех пор. Даже там, в камышах и траве, где спуск к воде более или менее чистый, до сих пор лежало трухлявое бревно, благодаря которому я смогла найти именно это место. Это то самое бревно, на котором я сидела, оплакивая свою разрушенную семью. С этого бревна я кидала в воду камни, а вместе с ними и проклятья в адрес отца и его новой семьи. На этом бревне я нацарапала свое имя, когда мне было семь, и отец, управляя ржавым ножичком в моей руке, рассказывал, что Вероникой меня назвали в честь его матери, которая почему-то никогда нас не навещала.

Сейчас мне двадцать пять, а это место по-прежнему придает мне особую силу. Я присела на бревно. Мне пришлось наклониться вперед, чтобы отыскать надпись.

— Вероника, — прочла я шепотом и ладонью провела по царапинам на дереве.

Здесь меня покинула злорада и желание послать все к черту. Однако на смену злости пришло состояние упадка и полной неизвестности. Жизнь будто обнулилась и никак не спешила начаться с чистого листа. Красиво и романтично, как это всегда случается в фильмах.

Я вспомнила потрепанного судьбой мужчину из автобуса и его слова о том, что ему меня жаль. Что он имел в виду? Я озадаченно пялилась в переливающуюся пасмурными оттенками гладь пруда, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в его словах. Но эти мысли только больше нагнетали обстановку.

Надо мной начали сгущаться тучи, поэтому я решила, что пора возвращаться. Выбрав в плеере папку с многообещающим названием «На печальный случай», я вставила в уши наушники и двинулась в обратном направлении.

Автобус, который часа три назад подхватил меня прямо от моего дома и довез до пруда, сейчас решил к дому не ехать. Дышащий на ладан, он остановился на обочине. Около пятнадцати минут немногочисленные пассажиры слушали искусный мат водителя, рассматривающего колеса старого автобуса. Скоро терпению многих пришел конец. Постепенно пропадала и вера в продолжение поездки на этом транспорте.

В числе потерявших веру была и я. Вместе с остальными я вышла из автобуса, решив остаток пути пройти пешком. Чувство необъяснимой тревоги засело внутри. Я уже испытала то

же самое утром в автобусе. Разумеется, странная встреча с человеком в плаще немного сбивала с толку, и я никак не могла перестать думать об этом.

Шум окружающего мира заглушала песня «Rain» группы Breaking Benjamin. Как по заказу начался ливень. Я усмехнулась собственной удачливости, однако не последовала примеру людей, прячущихся под козырьками магазинов и прочих заведений.

Я остановилась на переходе в ожидании зеленого света. Между тем дождь буквально стеной стоял перед моим лицом, мешая разглядеть светофор, а тревога только нарастала внутри. В знак протеста погоде и беспокойству я лишь сделала песню громче.

На секунду сердце буквально остановилось. Мне показалось, что там, за стеной дождя, на противоположной стороне дороги стоит мой отец, такой же молодой, как и много лет назад. Я не могла отвести взгляд от его лица, убеждая себя в том, что это не он, но в следующую секунду мозг начал активно продумывать поведение на случай, если он меня узнает.

Обнять его или пройти мимо? Я так встрепенулась, что даже обида на отца на мгновение куда-то улетучилась. Мои губы задрожали то ли от холода, то ли от попытки сдержать детскую наивную улыбку. Он смотрел на меня. На миг все вокруг исчезло. Машины, люди, поток дождя с неба. Я видела только его большие глаза – такие же голубые, как у меня.

Отец был встревожен. Наверное, волнуется, как я. Не знает, как вести себя со мной, что сказать мне. Я ободряюще улыбнулась ему и помахала рукой. В ответ на это его глаза округлились в удивлении, а через секунду он глянул на светофор и активно замотал головой из стороны в сторону, словно пытаюсь предупредить меня о чем-то. Но тогда я была поглощена детскими чувствами, рвущимися из меня навстречу отцу.

Поток машин агрессивно свистел, разбрасывая воду из стороны в сторону. Краем глаза сквозь косые иглы дождя я уловила, как молодой парень, все это время стоявший рядом со мной, шагнул вперед, не дождавшись зеленого света.

Ни секунды не думая, я метнулась за ним, в попытке ухватить парня хотя бы за рукав, но только я коснулась его, как он тут же исчез, будто дождь рассек его на миллиарды таких же капель. Я ощутила сильный удар в область левого бока, дальше свет отключился. Машины остановились. Мое тело, отброшенное автомобилем, лежало посреди дороги. Дождь смыл кровь с моего лица и затих. В наушниках звучала последняя строчка песни:

All the world is waiting for the sun.

*Перевод: Весь мир в ожидании солнца.

Глава 1. Ника

— Боишься? – усмехается незнакомый голос.

Слишком темно, чтобы понять, где я и с кем я. Опускаюсь на колени и упираюсь ладонями в твердую шершавую поверхность, тяжело глотая пыльный воздух.

— Ответь мне, — требует голос в темноте.

Я приподнимаю голову и широко раскрываю глаза навстречу окружающей меня пустоте. Ощущение собственной беспомощности отзывается дрожью в ноющем от боли теле.

— Кто ты? — говорить тяжело, будто у моего голоса садится зарядка.

— Не видишь меня?

Раздается шелчок, и темнота неспешно покидает поле моего зрения, уступая место фиолетовому зареву ночного неба. Поднимаюсь с колен и делаю несколько шагов вперед, оказываясь у края крыши высотного здания. Бросаю мимолетный взгляд вниз. Этажей пятнадцать, не меньше. Где-то внутри сжимается сердце. Ватные ноги отказываются держать меня, и я опускаюсь на поверхность крыши, вцепившись побелевшими пальцами в бортик, отделяющий меня от холодной пустоты осеннего неба.

Вдалеке слышны вопли. Жуткие. Нечеловеческие. Все еще не понимаю, где я: во сне, в незнакомом прошлом или на грани пророчества.

— Нравится? — вдохновенно шепчет голос за моими плечами.

Неспешно оборачиваюсь, желая и в то же время опасаясь встречи с невидимым собеседником, как вдруг все исчезает.

Я снова открыла глаза и обнаружила себя на кровати в родной комнате, озаренной нежным летним рассветом. Еще несколько минут я не могла оторваться от созерцания трещинки на потолке, пока пыталась воссоздать в голове детали сна. Неприятная слабость охватила тело, приковывая его к холодной постели.

Окно было распахнуто настежь. Июньская свежесть холодила тело тысячами мелких иголок. Хотелось съежиться, но я не могла заставить себя пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, когда мерзкая липкость после страшного сна отпустила мое тело, и я наконец пришла в себя. Стянув с себя невидимую паутину, я аккуратно села на кровати. Тело с неохотой реагировало на приказы мозга.

Собравшись с мыслями, я поднялась и подошла к окну. Вид с седьмого этажа сильно уступал по силе воздействия на подсознание виду из моего сна, однако я почему-то вцепилась в подоконник, всматриваясь в крыши соседних пятиэтажек. Странное ощущение не покидало меня. Мне и раньше снились неприятные сны, но только сейчас все было настолько реально, что я потеряла контроль над собственным разумом и телом. Более того, мне по-прежнему мерещилось чье-то присутствие.

Я внимательно осмотрела комнату. На столе у окна разбросаны бумаги, вероятно, потревоженные ветерком из раскрытого окна. Мерно мигает синим кнопка монитора. Часы на полке выше стола толкают стрелки к пяти часам утра. От рабочего стола перекинула пристальный взгляд на кровать у стены. Ничего необычного, кроме постели, смятой так, будто эту ночь я провела в ней не одна. Шкаф возле кровати угрюмо посмотрел на меня в ответ сквозь высокие зеркала. На пару секунд я задержалась на своем отражении.

В длинной белой футболке бывшего парня я отчасти напомнила себе пациентку психиатрической лечебницы. Растрепанные темные косы, как и постель, намекали на мое беспокойное поведение этой ночью. Столкнувшись с собственным взглядом в отражении, я вздрогнула и тут же отвела глаза, признавая победу двойника, усмехающегося мне из зазеркалья.

Я осмотрела кресло и книжную полку справа от окна и поймала себя на мысли, что давно не протирала пыль в этой области комнаты. Я тихо подошла к полке, уходящей вверх под самый

потолок. Пробежавшись пальцами по пыльной деревянной поверхности, я уперлась в настольный светильник. Читая в кресле, я всегда направляла его так, чтобы свет падал из-за моего плеча на страницы книги. Сейчас светильник был изогнут так, будто прошлой ночью я читала, сидя на полу у кресла, чего я не делала, если, конечно, моя память верна мне. Полка выше еще со школьных лет была отведена под любимые фотографии. Я осмотрела каждую рамку, снова и снова переживая моменты, запечатленные на снимках.

Вот мама улыбается, сидя на сочной зеленой траве где-то в лесу недалеко от города, - это наш первый совместный выходной после моего выпускного в школе. На следующем снимке я впервые встала на ролики и была так неуклюжа, что мой близкий друг не мог этого не запечатлеть. А вот и фото этого друга: мой дорогой Пашка, сжимающий меня в своих крепких объятиях на этом черно-белом снимке. Это фото всегда вызывает ностальгию по университетским денькам, когда мы с ним были неразлучны. А сейчас его супруга считает меня опасным объектом, которому не рекомендуется приближаться к их браку. Так смешно и так больно одновременно.

Я перешла к следующей фотографии и застыла. Одного снимка в рамке не хватало. Фото, на котором я стою в белом платье и с полевыми цветами в волосах, куда-то пропало. Я внимательно пошарила рукой в пространстве между полкой и книжным рядом, но ничего не нашла. Я еще раз осмотрела всю комнату, фотографии нигде не было. Ничего, позже спрошу у мамы. Вероятно, она взяла ее для какой-нибудь особо важной миссии.

Из размышлений меня выдернул резкий звонок в соседней комнате. Мамин будильник настойчиво верещал еще несколько секунд, пока мама не хлопнула его по металлической крышечке. Пять двадцать. Теперь мое утро официально началось.

Уже через пару минут в комнату проник аромат крепкого кофе, и я, словно ведомая им, на цыпочках направилась на кухню.

Мама наполовину высунулась в раскрытое настежь окошко, торопливо докуривая тонкую сигаретку. Сквозь окно в кухню прошмыгнул едкий сигаретный дым вперемешку с запахом мокрой травы, доносящимся откуда-то снизу.

— Разве ты не бросила? — мой укор отточенным лезвием гильотины разорвал тишину, царящую в кухне.

Застигнутая врасплох, мама поперхнулась дымом и, откашлявшись, слезла с подоконника. Избегая смотреть мне в глаза, она начала предпринимать бурную деятельность по приготовлению бутербродов на завтрак.

— Мам? — я присела на стул прямо за ней, ожидая ответа.

Мама повернулась ко мне и, с видом нашкодившего ребенка поправив выбившуюся из пучка белокурую прядь волос, виновато пробормотала:

— Я бросила. Почти, — она тяжело вздохнула. — Это все нервы. Мне снился плохой сон, — оправдалась она.

Я сделала глоток кофе из ее чашки и понимающе кивнула, на время забыв о проблеме курения в нашей маленькой семье.

— Да, мне тоже сегодня кошмарилось, — на выдохе согласилась я.

— Это из-за духоты, — предположила мама. — Хорошо, что жара спала. Сегодня обещают грозу.

Она включила радио, и комнату наполнили звуки поп-новинок этого лета. Я нехотя закинула в себя небольшой бутерброд с маслом и джемом и выпила половину чашки кофе, который мама приготовила для себя.

— Есть собеседования на сегодня? — спросила мама, старательно впихивая куриную котлету в пластиковый контейнер.

Вопрос собеседований стоял как нельзя остро. Впрочем, не острее, чем все остальные вопросы моей жизни. Но обо всем по порядку.

— Нет, пока ничего не намечено, хотя я открыта к предложениям, — я натянула бодрую улыбку, но мама, уловив фальшь, нахмурилась.

— Мне жаль, что все так вышло, — она склонилась надо мной и чмокнула меня в лоб. Запах сигарет и кофе на секунду затмил мое обоняние.

— Все нормально. Бог бережет меня для лучшего начальника и лучшего парня, — отмахнулась я.

Мама закончила завтрак и отлучилась в душ. Прихватив оставшуюся половину кофе, я вернулась в свою комнату. По привычке села на подоконник, глубоко вдыхая утреннюю прохладу и рассматривая очертания церквей и многоэтажек вдаль.

Жизнь действительно приобретала какой-то непонятный цвет. Какой цвет олицетворяет то, что в командировке меня пытался изнасиловать мой руководитель, а в это время жених на нашей постели познавал эрогенные зоны моей подруги? Кажется, это что-то коричневое. Да, определенно коричневое. И не имеющее никакого отношения к шоколаду.

Я поморщилась, вспомнив события последних двух месяцев. Наверное, я вполне пережила бы то, что случилось в Каире. В конце концов, я поняла, что в момент паники напрочь забываются все приемы самообороны и в ход идет все, чем можно ударить. Мне здорово помогла дорогая пепельница. Спасибо дизайнеру отеля и, конечно, самому Громову за то, что он курит. Наверное, именно из-за него я теперь начинаю терять самообладание, когда моего обоняния касается сигаретный дым.

В голове промелькнули картинки той ночи в люксе отеля. Я принесла Громову документы по закрытой этим же вечером сделке. Номер был открыт, я вошла и осмотрелась. Нетронутая постель; костюм, брошенный на пуф. Я прошла вперед в поисках начальника.

Приглушенный свет и расслабляющая музыка сразу заставили меня напрячься, но не успела я распознать где-то внутри инстинкт самосохранения, как из ванной позади меня вышел Громов с полотенцем на поясе. Одним движением руки он захлопнул входную дверь и направился ко мне.

— Весь вечер этого хотел, — он с силой прижал меня к стене, свалив попутно вазу с цветами.

Холодная вода полоснула ноги, и мой мозг очнулся. Я уперлась рукой в грудь Громова, по-овечьи блея о том, что не понимаю, чего он хочет. Такое поведение шефа действительно было для меня сюрпризом. За два года, что я провела в его офисе в качестве личного помощника, он ни разу не подал ни малейшего признака интереса к моей персоне. Я знала его жену, его детей. Я видела, с каким трепетом он относится к своей семье.

— Константин Викторович, я принесла документы, — дрожащим голосом выдавила я, уворачиваясь от его поцелуев. В ответ на это он лишь громко рассмеялся и, кажется, завелся еще больше.

Бумаги посыпались на пол, я пыталась оттолкнуть мужчину, но тщетно — я слишком сильно уступала ему в габаритах.

— Расслабься, тебе понравится, — пьяно шептал он, облизывая мою шею и крепко сжимая запястья.

— Я буду кричать, — предупредила я и глубоко вдохнула, чтобы крикнуть, однако в эту же секунду в мое лицо прилетела хлесткая мужская пощечина.

Кажется, на мгновение я даже отключилась. Погас свет, и стихла музыка, но я четко осознавала, что мое тело, будто куклу, кинули на кровать. Я чувствовала, как чужие руки рвут на мне блузку и грубо сдавливают грудь. Шок после удара начал сходить, и я снова могла все видеть и даже владеть своим телом. Попытавшись выгнуться, я нарвалась на очередной удар — на этот раз менее сильный.

Громов отвлекся на молнию на моей юбке, а я нашарила пепельницу на прикроватной тумбе и, собрав в трясущийся кулак всю свою заячью смелость, ударила мужчину по голове. Его тело обмякло, прижав меня к кровати. Дрожа и всхлипывая, я сдвинула его и смогла выбраться.

У меня не было никакого желания проверять, жив он или нет. Я выскочила из номера и уже через несколько часов я нервно озиралась по сторонам, стоя под табло в аэропорту. Мне казалось, что сейчас он выскочит из-за толпы пассажиров и, окровавленный, укажет на меня пальцем. К слову, на мне все еще была рваная блузка и пленка его грязных поцелуев.

Плотнее укутавшись в легкий плащ, я снова уткнулась в расписание на табло. Уже через час я буду в самолете, где он меня не достанет. А еще через пять часов я рухну в объятия жениха, расплачусь и расскажу все. Он, конечно, разозлится и непременно отомстит за меня. Увы, тогда, сидя в самолете и мечтая о каменной защите любимого, я еще не знала, что эта ночь никогда не закончится.

А вот кофе в моей чашке закончился быстро. Я проводила маму на работу, пообещав ей не сидеть на подоконнике у открытого окна и взяв с нее ответное обещание не курить в течение дня.

Окунувшись в неприятные воспоминания, я снова ощутила на себе всю ту грязь, потому что с подоконника я переместилась в теплую ванну с пеной. Лежа в воде, я уже не могла бороться с воспоминаниями. Ступишь туда одной ногой – погрязнешь весь.

В памяти всплыл один момент. Я так же лежала в ванне, перебирая пальцами пену, а рядом на перевернутом ведре сидел мой тогда еще любимый человек. Артем читал что-то об открытии многомиллионного бизнеса практически с нуля, а я разглядывала его светлую кудрявую шевелюру, морщинки на лбу и плотно сжатые губы, и меня устраивало абсолютно все – скрипучий диван, стул без спинки, ванная с местами обвалившейся плиткой и прочие прелести съемной квартиры класса «подешевле». Мне нужен был только Артем со всеми его бредовыми идеями и любовью к неглаженным футболкам.

В сердце что-то шевельнулось, и по щеке прямо в воду побежали слезы. Так же устало плача, я ехала ранним утром в такси из аэропорта. Грязная, пахнущая алкоголем и дорогим мужским парфюмом, я с трудом поднялась на пятый этаж и нашарила ключ на дне сумки.

Тяжелая дверь бесшумно открылась, и я вошла. С порога я ощутила запах благовоний, тянущийся откуда-то из спальни. Скинув верхнюю одежду, я прошла в комнату, стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить и не напугать Артема, который знает, что я должна вернуться только через пару дней.

Однако на пороге комнаты мне пришлось остановиться. В моей постели, освещенные бледным рассветом, лежали голые тела моего Артема и моей Марины. Я застыла, не зная, как реагировать. Слезы, кажется, уже кончились. Сказывалась усталость. Я подошла ближе и, взяв одеяло за уголок, стянула его на пол.

Первым проснулся Артем. Он протер глаза и уставился на меня, пытаясь понять, реальность это или сон.

— Ника? — не веря своим глазам, спросил он.

Я только пожала плечами и осуждающе покачала головой. Слов было много, но они будто столпились в ком где-то посреди глотки, не давая мне ни говорить, ни дышать. Дрожь снова охватила тело, и я, шатаясь, направилась к выходу из квартиры. Я слышала скрип того самого дивана, голос Марины, мат Артема и что-то еще.

— Ника, подожди, — в коридоре появилась Марина, укутанная в простыню с глупым цветочным узором. Всегда ненавидела это постельное белье.

Марина подошла ближе, пряча глаза за длинной челкой.

— Ты же знаешь, что я его со школы люблю, а он тебя выбрал, — оправдывалась она.

Я осмотрела ее, стоящую передо мной в простыне, с растрепанными рыжими волосами, и вдруг истерически рассмеялась. Пока там, в вонючем номере отеля, я терпела приставания пьяного урода, здесь Артем защищал Марину от одиночества и неразделенной любви.

Что было сил, я хлестнула Марину по щеке. Бить в этот вечер мне удавалось особенно хорошо. Моя бывшая подруга вскрикнула и разрыдалась. Из комнаты вышел Артем. Кажется, он что-то говорил о любви, но кто и кого любил, я уже не слышала. Мою любовь предали, а чужая меня не интересовала. В рваной блузке и грязной юбке я вышла навстречу просыпающемуся городу. В тот самый момент мне хотелось исчезнуть навсегда без возможности видеть, слышать, чувствовать и помнить. Но я лишь поймала такси и вернулась к маме.

Пока я оплакивала свое недавнее прошлое, вода в ванне остыла. Я вылезла из ванны, случайно глянув в зеркало, остановилась и осмотрела себя. За эти месяцы я похудела на несколько килограмм, и теперь вместо стройной спортивной девушки в зеркале видела измученную барышню. Кажется, труп невесты – уже не просто образ на Хэллоуин.

Ярко-голубые глаза стали казаться еще больше и холоднее на фоне высоких скул и впалых щек. Несмотря на популярность худобы, меня не порадовали такие перемены. Я выглядела сломленной внутри и снаружи.

Я распустила стянутые резинкой волосы, расчесалась и на скорую руку заплела некое подобие косы, спадающей на одно плечо. Я уже знала, куда направлюсь.

Пошарив в шкафу с одеждой, я достала спортивные брюки и свободную толстовку, доставшуюся мне от Артема. Знаю, стоило бы избавиться от его вещей, но, кажется, я все еще испытывала зависимость от запаха порошка, которым всегда пахло в ванной нашей съемной квартиры.

Забавно, но все происходит именно так: нас больше не интересует жизнь человека, который когда-то был очень близок, но мы продолжаем цепляться за моменты, связанные с ним. Его запах, его одежда, его любимая музыка в моем плеере, его чашка и мои слезы в ней. Как бы больно это ни было, я еще не готова оторвать от себя воспоминания. Возможно, это единственное, что пока еще держит меня и не дает рассыпаться под натиском растущей внутри пропасти.

Наспех запихнув незавязанные шнурки в кроссовки, я вышла из дома. Огромный город уже проснулся, хотя спал ли он? Толпы спешащих людей, машин, трамваев, звонков и поступков. Мы не выбираем время для нашей жизни, она делает это сама. Ей плевать, что ты только что проснулась и еще даже не завтракала, она уже спешит подложить очередную свинью на твоем пути.

Возможно, подобные мысли покажутся мрачными, однако это именно то, что я видела вокруг себя. Нереализованные желания, подавленные чувства, потраченное время. Я нарочито медленно шла, раздражая этим тех, кто раз за разом врзался в меня грузным телом или острым плечом.

Я скрыла лицо под капюшоном и нырнула в остановившийся автобус. Признаться честно, я даже не знала номер маршрута, просто была уверена, что он привезет меня туда, куда мне больше всего было нужно. Судя по средней наполненности салона, маршрут был не самый популярный и явно не вел в центр мегаполиса. Тем лучше. Я осмотрелась и присела на одиночное сиденье в самом начале салона. Все это время меня не покидало ощущение липкого внимания, направленного на мою персону.

Я скинула капюшон и обернулась. С соседнего сиденья на меня пристально смотрел крайне странный мужчина лет пятидесяти. Его угловатую фигуру скрывал длинный потертый плащ грязно-коричневого цвета, спутанные темные волосы обрамляли острое небритое лицо, узкие холодные глаза смотрели сквозь меня. Нельзя сказать, что подобный спутник не напугал меня, однако моя озлобленность на окружающий мир сыграла на руку, и страх никак не отразился на моем лице.

— Проблемы? — в лоб спросила я, на всякий случай сжав кулаки.

— Проблемы у тебя, если ты меня видишь, — мужчина усмехнулся и подмигнул мне.

— Что вы имеете в виду? — я немного опешила, но кулаки так и не разжала.

— Даже немного жаль тебя, — ничего не объяснив, он учтиво поклонился и вышел из остановившегося автобуса.

Только автобус тронулся, я соскочила с места, чтобы посмотреть на мужчину на остановке, но, увы, он уже скрылся из виду. Я осмотрелась. Девушка, сидевшая позади меня, должна была видеть бродягу, однако она была увлечена своим телефоном, поэтому я решила, что с нее нечего взять. Среди ее волос виднелись провода наушников, значит, разговор она тоже не слышала.

Я тряхнула головой и глянула в окно. Это место было мне знакомо. Более того, это было именно то место, в котором я нуждалась сейчас. Я вышла из автобуса и присела на скамейке около остановки. Мне просто нужна была минута, чтобы прийти в себя после загадочной встречи.

Наконец, списав все на сумасшествие бродяги, я поднялась, оттряхнула брюки и направилась по дороге туда, куда вела меня память. Меня окружали небольшие домики деревенского типа, растущие на окраинах многих крупных городов. Я помнила, что там, за этими домиками, меня ждет место, в котором я не была с тех пор, как десять лет назад из семьи ушел отец. Сейчас мне уже не тринадцать, и идти в одиночку по незнакомой дороге не так страшно. Когда мне хотелось сбежать от всего, что меня пугало, — ноги сами вели меня сюда. В наше с отцом тайное место.

Теперь спустя столько времени, я снова оказалась около старого заброшенного всеми пруда. Ничего не изменилось с тех пор. Даже там, в камышах и траве, где спуск к воде более или менее чистый, до сих пор лежало трухлявое бревно, благодаря которому я смогла найти именно это место. Это то самое бревно, на котором я сидела, оплакивая свою разрушенную семью. С этого бревна я кидала в воду камни, а вместе с ними и проклятья в адрес отца и его новой семьи. На этом бревне я нацарапала свое имя, когда мне было семь, и отец, управляя ржавым ножичком в моей руке, рассказывал, что Вероникой меня назвали в честь его матери, которая почему-то никогда нас не навещала.

Сейчас мне двадцать пять, а это место по-прежнему придает мне особую силу. Я присела на бревно. Мне пришлось наклониться вперед, чтобы отыскать надпись.

— Вероника, — прочла я шепотом и ладонью провела по царапинам на дереве.

Здесь меня покинула злоба и желание послать все к черту. Однако на смену злости пришло состояние упадка и полной неизвестности. Жизнь будто обнулилась и никак не спешила начаться с чистого листа. Красиво и романтично, как это всегда случается в фильмах.

Я вспомнила потрепанного судьбой мужчину из автобуса и его слова о том, что ему меня жаль. Что он имел в виду? Я озадаченно пялилась в переливающуюся пасмурными оттенками гладь пруда, пытаюсь уловить хоть какой-то смысл в его словах. Но эти мысли только больше нагнетали обстановку.

Надо мной начали сгущаться тучи, поэтому я решила, что пора возвращаться. Выбрав в плеере папку с многообещающим названием «На печальный случай», я вставила в уши наушники и двинулась в обратном направлении.

Автобус, который часа три назад подхватил меня прямо от моего дома и довез до пруда, сейчас решил к дому не ехать. Дышащий на ладан, он остановился на обочине. Около пятнадцати минут немногочисленные пассажиры слушали искусный мат водителя, рассматривающего колеса старого автобуса. Скоро терпению многих пришел конец. Постепенно пропадала и вера в продолжение поездки на этом транспорте.

В числе потерявших веру была и я. Вместе с остальными я вышла из автобуса, решив остаток пути пройти пешком. Чувство необъяснимой тревоги засело внутри. Я уже испытала то

же самое утром в автобусе. Разумеется, странная встреча с человеком в плаще немного сбивала с толку, и я никак не могла перестать думать об этом.

Шум окружающего мира заглушала песня «Rain» группы Breaking Benjamin. Как по заказу начался ливень. Я усмехнулась собственной удачливости, однако не последовала примеру людей, прячущихся под козырьками магазинов и прочих заведений.

Я остановилась на переходе в ожидании зеленого света. Между тем дождь буквально стеной стоял перед моим лицом, мешая разглядеть светофор, а тревога только нарастала внутри. В знак протеста погоде и беспокойству я лишь сделала песню громче.

На секунду сердце буквально остановилось. Мне показалось, что там, за стеной дождя, на противоположной стороне дороги стоит мой отец, такой же молодой, как и много лет назад. Я не могла отвести взгляд от его лица, убеждая себя в том, что это не он, но в следующую секунду мозг начал активно продумывать поведение на случай, если он меня узнает.

Обнять его или пройти мимо? Я так встрепенулась, что даже обида на отца на мгновение куда-то улетучилась. Мои губы задрожали то ли от холода, то ли от попытки сдержать детскую наивную улыбку. Он смотрел на меня. На миг все вокруг исчезло. Машины, люди, поток дождя с неба. Я видела только его большие глаза – такие же голубые, как у меня.

Отец был встревожен. Наверное, волнуется, как я. Не знает, как вести себя со мной, что сказать мне. Я ободряюще улыбнулась ему и помахала рукой. В ответ на это его глаза округлились в удивлении, а через секунду он глянул на светофор и активно замотал головой из стороны в сторону, словно пытаюсь предупредить меня о чем-то. Но тогда я была поглощена детскими чувствами, рвущимися из меня навстречу отцу.

Поток машин агрессивно свистел, разбрасывая воду из стороны в сторону. Краем глаза сквозь косые иглы дождя я уловила, как молодой парень, все это время стоявший рядом со мной, шагнул вперед, не дождавшись зеленого света.

Ни секунды не думая, я метнулась за ним, в попытке ухватить парня хотя бы за рукав, но только я коснулась его, как он тут же исчез, будто дождь рассек его на миллиарды таких же капель. Я ощутила сильный удар в область левого бока, дальше свет отключился. Машины остановились. Мое тело, отброшенное автомобилем, лежало посреди дороги. Дождь смыл кровь с моего лица и затих. В наушниках звучала последняя строчка песни:

All the world is waiting for the sun.

*Перевод: Весь мир в ожидании солнца.

Глава 2. Драган

Югославия, 1950 год

Поглядывая на часы, стремительно толкавшие стрелки по циферблату, я глубоко вздохнул. На горизонте никого, кроме дворника, уныло расчищающего проспект от сухой листвы.

Война позади. О партизанском ополчении напоминают, разве что, только шрамы да разрывающиеся во снах снаряды. Кошмар, через который прошел мир, медленно рассеивается, и я, как и весь мой народ, пытаюсь научиться жить заново.

Сегодняшнее утро должно было стать началом той самой новой жизни. Я наивно полагал, что сегодня одиночество перестанет так громко молчать над моей головой. Я ждал, что мой сморщенный до одной каморки мир наполнится голосами живых. Смехом. Запахами.

Но тишина, прерываемая тиканьем старых часов, продолжала сжимать меня в тисках отчаяния. И как всегда не к месту вспомнились слова матери:

— Држечко, чувствую, что скоро плохо будет жить нам, — мама прикрыла морщинистые глаза, словно старалась уловить за хвост юркое провидение. — Вы с Николой держитесь вместе. Смотри за ним, он совсем еще малый.

Мама кривила лицо, будто действительно могла видеть нечто, что заставляло ее страдать и переживать за мою жизнь и жизнь моего младшего брата.

Помню, как обнял ее, обещая, что ничего страшного не случится. Но сдержать обещание я не смог. Когда наши земли сдались оккупационному режиму Германии, я, не сомневаясь ни секунды, примкнул к партизанскому движению. Никола, не послушав матери, последовал за мной. Мы уходили на рассвете под весенние трели птиц и рыдания матери за нашими спинами.

Мы поступили правильно, я знаю. Не было иного выхода. Но сердце от того не болело меньше.

Первой ушла мама. Не выдержала всего, что происходило. Меня и Николу раскидало по разным отрядам, и я не мог продолжать прятать семнадцатилетнего брата за спиной.

Он этого и не хотел. Никола был смелым и стремился во всем меня опередить. Опередил. Первым погиб во время фашистского налета.

Я остался один.

Страшные времена отступили, и мир неспешно приходил в себя, только тьма боли и ненависти, успевшая заполнить сердце, не уходила, как сильно я ни старался выжечь ее солнцем.

Этим утром я надеялся, что смогу открыться для кого-то. Что смогу вылезти из своей каморки наружу, если хоть для кого-то это станет надеждой. Но никто не пришел. Как и я, люди не могли покинуть глубины своего одиночества.

Еще раз глянув на часы, я махнул рукой и, подволакивая больную ногу, скрылся в темном помещении, которое арендовал для занятий боксом.

Война забрала у меня очень многое: мать и брата, спортивные возможности, здоровье, беззаботную молодость. Я состарился раньше времени и с трудом мог спускаться по лестнице из-за ноги, искалеченной во время пыток.

Но у меня осталась жизнь, а я так и замер во тьме, не зная, как отыскать дорогу к свету.

Я нашел маленький зал в подвале дома, чтобы давать уроки бокса. Чтобы помочь мальчишкам справиться с болью утраты, со злобой на весь мир и страхом неизвестности. Глубоко внутри я и сам в тридцать три года был таким мальчишкой. И эти занятия были нужны для спасения меня самого.

На первое занятие никто не пришел. На второе – тоже. В третий день я два долгих часа в гордом одиночестве колотил грушу, не думая о тупой боли, пронзающей голень каждый раз, когда я опирался на правую ногу.

Сегодня я уже приготовился заняться упражнениями на самодельных брусьях, как в приоткрытую дверь заглянуло загорелое лицо, покрытое россыпью веснушек.

— Тут боксу учат? — с некоторой грубостью кинул мой внезапный гость.

Я выглянул из-за груши и осмотрел парня, вошедшего в зал. Невысокий, коренастый. Плечи крепкие, в руках видна сила. Значит, поставить хороший удар труда не составит.

На вид парнишке было около пятнадцати-семнадцати, едва ли ему уже стукнуло двадцать. Неуверенность во взгляде и наигранная дерзость чем-то делали его похожим на Николу. От внезапного наплыва воспоминаний в глазах предательски защипало.

Я отер лицо ладонью, делая вид, будто стираю пот, а не слезы, и снова посмотрел на парнишку.

— Входи, — я обвел зал рукой и дружелюбно улыбнулся, — меня зовут Драган.

— Йован, — нарочито низким голосом представился парень, не вынимая рук из карманов потрепанных брюк. Мальчишка недоверчиво осмотрел небольшое помещение, словно прикидывая, в какую стоимость ему обойдутся уроки.

— Возьмусь тебя учить, если сможешь с уборкой, — заявил я. Внешний вид гостя выдавал тяжелое финансовое положение.

Где-то внутри заскребся червячок, напомнивший о том, что за аренду зала нужно платить. Да и кормить меня бесплатно никто не станет.

Все верно, деньги нужны и мне тоже, но взгляд этого мальчишки Клянусь, на мгновение мне показалось, что мой брат снова жив. Деньги подождут.

— Так можно? — неуверенно уточнил Йован, пнув камушек потертым ботинком. — Вообще-то, уборка тут правда нужна.

Я усмехнулся и кивнул, приглашая гостя пройти.

— Ну, Йован, начнем занятие?

В тот день парнишка провел со мной часа три и после занятия помог прибраться. Не в качестве оплаты. Я видел, что он не желал покидать зал. В следующий раз он привел с собой других ребят, и мой зал, наконец, стал оживать, напитываясь запахом пота и мальчишескими голосами.

Однажды вечером после очередного занятия Йован вызвался проводить меня до дома, помогая тащить потрескавшиеся лапы для отработки ударов. Я решил показать их соседке, чтобы та помогла с заплатками.

Елена открыла дверь после пятого стука. Она старательно спрятала лицо, но я заметил, как на бледной щеке проглядывало желтоватое пятно. После войны ее муж потерял контроль над вспышками агрессии, и я после нескольких стычек с ним, уже пробовал говорить с Еленой, но ни она, ни их пятнадцатилетняя дочь Милица не хотели ничего слышать. Отец вернулся, и они любили его, несмотря ни на что. А я, молча кивая, уходил ни с чем. Я не мог понять их — ведь меня никто не ждал.

И от этого становилось больнее.

— Опять? — спросил я, кивая на щеку женщины на пару лет старше меня.

— Драган, перестань, — Елена отмахнулась и впустила нас с Йованом в квартиру.

Мирко не было, и я стиснул зубы, сдерживая свою злость на соседа. Йован лишь пожал плечами и, когда Елена отошла на кухню, где хранились ее швейные принадлежности, сказал:

— Отец всегда поколачивал матушку. Чтобы лучше понимала. Женщины глупые.

Я раскрыл рот, чтобы возразить, но в этот момент в комнату нежным цветком впорхнула Милица. На ходу стаскивая пальто, она приветственно улыбнулась мне и с интересом глянула на моего подопечного.

— Добрый день, господин Драган, — кивнула она и рассмеялась, заметив, каким влюбленным взглядом на нее смотрит Йован.

— Боже, Йован, прикрой рот, — усмехнулся я, когда девчонка убежала к матери.

— Она ангел? — пробубнил он.

— Да. Все женщины – ангелы. Запомни это, дружок, — я потрещал его темные вихры, даже немного завидуя первой влюбленности, внезапно накрывшей парня с головой.

Мне так и не довелось вкусить этого чувства. Мальчишкой я был целиком и полностью поглощен спортом. Отношения с девушками завязывались и тут же развязывались от того, что все свое свободное время я оставлял в зале. Пока отец был жив, он говорил, что мое время просто не пришло. Однажды мне встретится та самая, от которой воздух в легких закончится. И вот тогда я забуду о спорте, о еде, о сне.

Отец умер от болезни, остались только мы с братом да мама. И я взял на себя роль защитника семьи. Роль отца. Я больше не хотел даже думать о любви, ведь она могла бы украсть меня у семьи, а им больше не на кого было надеяться.

Да и той самой, что вырывает сердце из груди, так и не появилось. Разное было, но не то, о чем однажды рассказал отец.

А потом все в стране стало таким шатким. Пришли немцы со своими законами, земля разделилась на два лагеря, и меня поглотила партизанская жизнь.

Помню, как в лагере после очередной стычки с врагом, ребята рассказывали о своих семьях. Кто-то доставал из-за пазухи помятую фотографию, кто-то читал стихи, восхваляющие красоту любимой. А я молчал. Я был солдатом, напроочь лишенным желания любить.

— Драган, брате, нельзя так, — смеялся один из однополчан. — Когда еще думать о любви, если не сейчас?

— Сейчас-сейчас, — хмуро вторил другой. — Смерть по пятам ходит. А после смерти любви не сыщешь.

— Кому суждено, тот и после смерти найдет свое, — шутил кто-то за моей спиной.

— Кто знает, что там после смерти, — философски отмахивался я, даже не понимая, что я чувствую: страх, неприязнь, сожаление?

Время для любви не пришло. Как и для смерти.

После первого визита в дом Елены и Мирко Йован стал регулярно навещать мой дом, смущая Милицу, которая, похоже, до мальчишеских ухаживаний еще не доросла. Несколько раз я просил парня немного умерить пыл, но тот и слушать не хотел. Из его легких вырывало воздух, когда эта милая девочка оказывалась рядом.

На одном из занятий, когда мы проводили внутренние соревнования, я заметил в зале юное личико соседки, пришедшей поболеть за своего кавалера. Она поздоровалась кивком, заметив мое внимание, и осталась в тени зала, стараясь не привлекать взгляды разгоряченных мальчишек. Она все-таки сдалась и доверила сердце этому мальчугану.

Йован распушил хвост и дрался, как в последний раз. Под общие овации и одобрительный свист я поднял вверх руку Йована, объявляя его чемпионом.

В тот вечер веснушчатый мальчишка, сильно возмужавший за полгода, вел хрупкую Милицу под руку, демонстрируя всем свои притязания на юное девичье сердце. И я никак не мог отделаться от назойливой тревоги, бьющей по вискам. Как оказалось, не зря

Поздней весной, когда буйное цветение охватило маленький, но густой сквер во дворе моего дома, я сидел ночью на балконе и любовался звездами. Тишину нарушил едва слышный девчачий смех, и, свесившись через перила, я увидел, как Йован помогает Милице спуститься с окна на втором этаже. Я свистнул, привлекая внимание парочки, но те, хихикая, скрылись в кустах. Если отец Милицы узнает, что дочь сбегает из дома под покровом ночи в сопровождении Йована, парнишке не сдобровать.

Я накинул легкую куртку и, с трудом преодолев лестницу, похромал в ту сторону, куда убежали дети. Внутри меня билось такое напряжение, будто, даже не подозревая ничего плохого, я уже знал, что эта ночь никогда не закончится. Мама всегда говорила, что я должен доверять чутью, но в этот раз я ковылял вперед и молился, чтобы чутье меня обмануло.

Споткнувшись о что-то в темноте, я присел и обнаружил под ботинком розовую кофточку девочки, которую Елена вязала всю зиму. Тревога уже не просто зудела — она бушевала ураганом в моей голове.

— Милица! — позвал я и тут же умолк, вслушиваясь в звуки.

Сначала все было тихо: ни хруста веток под ногами, ни стрекота сверчков. Я набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть снова, как неподалеку раздался жалобный крик девочки. Тревога замерла внутри. Замолчала, словно сорвалась с обрыва.

Не разбирая дороги, спотыкаясь и проклиная ногу, я устремился на ее голос и, обогнув широкий куст, увидел Йована, как ни в чем не бывало застегивающего штаны, и Милицу, лежащую на земле с задранной юбкой и окровавленными ногами. Девочка всхлипывала, не смея шелохнуться, будто ее парализовало.

Он сделал это. Надругался над девочкой, которую я знал с самого рождения. Последние хлипкие оковы, сдерживающие мой гнев, слетели. Я больше не мог прятать ненависть и боль, накопившиеся за долгие годы страданий. Я рванул мальчишку на себя. Ухватив одной рукой его короткую шею, я пригвоздил поганца к стволу дерева и сдавил его глотку, желая видеть, как глаза ползут прочь из его черепа. Тот пытался отбиваться, но, сильно уступая мне в габаритах, опыте и озлобленности, Йован быстро сдался и только пытался прохрипеть что-то.

Только я уже ничего не слышал. Огонь, заставший разум, выжег сострадание, и я, повалив Йована на землю, накинусь сверху и бил, что было сил. Мне мерещилось лицо Николы и его мольбы о помощи, но я не мог остановиться. Ярость за то, что натворил этот ублюдок, превратила меня в монстра.

Я опустил кулаки, лишь когда осознал, что сделал. Тело Йована безжизненно обмякло подо мной, и я, отерев кровь с лица, отполз в сторону. Я не видел мертвых с тех пор, как закончилась война. Я не убивал с тех пор, как закончилась война. И вот война снова царит в моем сердце. Взрывается, горит и застигает разум.

— Я хочу домой, — прошептала Милица, робко касаясь моего плеча.

Обернувшись и заглянув в ее потускневшие серые глаза, полные боли, я вернулся в сознание. Потому что был нужен этой маленькой обесчещенной девочке.

Я подхватил ее на руки и, молча прихрамывая, понес к дому, стараясь не думать ни о том, какая жизнь теперь ждет Милицу, ни о том, как холодное тело Йована лежит в ворохе прошлогодних листьев.

Мы вышли из сквера под тусклый фонарь, одиноко охраняющий наш дом. Скрипнула дверь, и к нам навстречу выскочил отец Милицы. Следующие события я помню смутно, будто все это происходило не со мной.

Отчетливо врезались в мою память глаза Мирко, горящие той же яростью, что горели мои собственные, когда я впечатывал в землю тело мальчишки, в котором видел своего младшего брата.

— Ах ты мразь! Убью! — прокричал он, вскидывая ружье и направляя ствол на мою голову.

Что видел несчастный отец? Меня, покрытого алыми пятнами, и свою дочь - в слезах и крови по ногам.

Я молчал. И Милица молчала, глядя на отца стеклянным взглядом. А дальше выстрел разорвал неестественную тишину и унес меня в кромешную тьму.

И все же интересно, что там после смерти

Глава 3. Ника

За свою жизнь я не раз думала о смерти в разных ее ипостасях. Она приходила ко мне как спаситель, как средство избавления от проблем, кажущихся нерешаемыми. В другой раз являлась страхом, укрывающим тело дрожью посреди холодной ночи в пустой квартире. Нет, смерть не многолика, как многим может показаться. Так казалось и мне, пока я не осознала ее суть. У смерти одно лицо – твое собственное.

В нашей природе противопоставлять друг другу жизнь и смерть, не давая себе шанса взглянуть на эти процессы иначе. Жизнь и смерть исходят одна из другой, как рассвет нового дня приходит после долгой ночи.

Где—то глубоко внутри я ждала этой встречи, надеясь, что смогу, наконец, получить ответы на вопросы. Вспышка – и ты по ту сторону мира, о котором мог только размышлять, пытаясь уснуть очередной бессонной ночью.

Как бы я ни старалась почувствовать хоть что—то – тщетно. Может, так оно и происходит? После смерти живет только душа, и мое тело так и останется холодным трупом лежать на столе морга, пока кто—то не опознает в нем меня, Веронику Волошину, двадцати пяти лет? Надеюсь, лицо не сильно пострадало. Не хочу, чтобы меня хоронили с носом на месте уха.

Кажется, чувство юмора не умирает. Слава тебе, боже. Есть ты или нет.

— Я же вижу, что ты уже перешла, — незнакомый мужской голос раздался над самой моей головой.

И тут я поняла, что все еще нахожусь в телесной оболочке. По конечностям побежал импульс, пробуждая тело. Я не ощущала боли после удара. Напротив, меня окутала легкость.

— Ника, — снова позвал голос.

Разрядом по моему телу пролетела энергия и, будто по щелчку, я широко раскрыла глаза.

Надо мной раскинулось бескрайнее ночное небо, пестрящее несметным богатством звезд. Не шевелясь, я смотрела вверх, жадно впитывая памятью этот момент. Когда меня спросят, каково это – быть по ту сторону жизни, я закрою глаза, вспомню это чудесное небо и, может быть, не премину возможностью блеснуть развитой фантазией и приукрашу. Расскажу, что бог звал меня по имени, а я ответила, что должна жить. Хотя бы ради того, чтобы встретить мужчину своей мечты и выложить с ним счастливое фото в социальные сети. Вот Артем подавится. Нет—нет, что за мысли. Я спокойна, я хочу жить ради себя.

Неожиданно обзор перекрыло довольное лицо, обрамленное длинными волнами русых волос.

— Привет! — парень обнажил в улыбке белые зубы, — меня Леша зовут.

Новый знакомый протянул мне руку, помогая встать. Увиденное вокруг заставило меня громко рассмеяться, потом расплакаться и только после этого перейти к более или менее адекватному анализу происходящего.

Я стояла на огромной мраморной плите, расходящейся в разные стороны на расстояние, которое неподвластно моему сознанию. С выверенной точностью на одинаковой дистанции друг от друга вверх уносились белоснежные колонны, мерцающие перламутром в лунном свете.

Луна была так близко, будто я Гагарин, и мы, как старые друзья, договорились встретиться в этом самом месте. Если бы так, то это самое прекрасное место, в котором я когда—либо была.

У многих перехватывает дух на море от осознания своей никчемности в сравнении с масштабом бесконечного морского простора. Должна признаться, стоя на плите посреди звездного неба и практически имея возможность закинуть лассо на луну и притянуть ее к себе, я вдруг поняла, что море – лишь капля, а то, что я чувствовала когда—то на палубе корабля, рассекающего Средиземные волны – было чем—то детским и переоцененным.

— Это все придумал мой мозг? — ошарашенно пробормотала я, постепенно начиная ощущать отпавшую нижнюю челюсть.

Мой новоявленный спутник все это время находился немного поодаль, давая мне пространство. Хотя о чем я, тут пространства хватит настолько, что в Китае могут смело рожать еще детей.

Услышав мой голос, Леша оживился и в один прыжок подскочил ко мне.

— Это не выдумка, — гордо произнес он. — Все, что ты видишь, так же реально, как татуировка, которую ты сделала на ребрах в 16 лет и о которой до сих пор не знает твоя мама.

— Эй! — я возмущенно ткнула его в плечо. — Это же интимно, откуда ты знаешь?

— Я о тебе все знаю, — на губах парня почему-то погасла его лучезарная улыбка, и мне показалось, что по полу повеяло холодком.

— Я умерла? — я выпалила это до того, как сознание успело додумать саму мысль. Мне захотелось усмехнуться собственной глупости и самой же опровергнуть сказанное, но сожалующий взгляд Леша остановил меня.

Он знал, что я все поняла, и только что—то внутри меня самой боролось с мыслью о том, что все кончилось.

— Все только начинается, — на губах парня мелькнула подбадривающая улыбка.

Я скрестила руки на груди и недоверчиво огляделась.

— Это чистилище? Рай? Может быть, ад? Если это ад, то где мой котел? — дамбу сарказма прорвало. Вот ведь поистине неубиваемое качество.

— Почему ты думаешь, что достойна лишь ада? — напряжение между нами спало. Леша снова широко улыбался.

— Разве девочки с татуировками попадают в рай?

— Пожалуй, только особенные, — загадочный голос проник в мою голову, и тут меня осенило – именно Леша был тем человеком, шагнувшим на дорогу под автомобиль. Именно его я пыталась спасти.

— Но как ты — в растерянности я не могла подобрать слов.

Леша присел, скрестив по—турецки ноги. Я опустилась вниз рядом с ним.

— Я умер там семь лет назад, — тихо произнес он, — но я не знал, что ты видишь меня.

— Так почему же я тебя все-таки видела?

— Потому что ты особенная. Покопайся в памяти, ты видела много странного на своем пути.

Я согласно кивнула, хоть мне и казалось, что встречать странности – это не привилегия, а некий антидар.

— Все эти люди были мертвы? Я медиум? – осторожно предположила я.

Из памяти выплыло очень далекое воспоминание моей первой и последней встречи с гадалкой, один только вид которой нашептывал о тесной связи с потусторонними мирами. За что я отдала ей пять сотен, если она не смогла предсказать мне мою особенную участь и смерть в толстовке бывшего? Шарлатанка.

— Нет, ты не медиум, — Леша подавил смешок и тут же торжественно добавил: Ты Ангел.

Я поджала губы и, склонив голову набок, с сомнением посмотрела на кудрявого товарища.

— Крылья прилагаются? – я попыталась пошутить, что, кажется, немного задело Лешу.

Он закатил глаза.

— Я серьезно! Я слышал, как о твоей душе говорили. Тебя ждет Ангельский орден. Кому-то для этого приходится учиться, — судя по тону, он имел в виду себя. — А ты, видимо, родилась с этим даром, раз мои наставники так ждали тебя. Это твое предназначение. Разве

ты никогда не обращала внимания, как к тебе притягиваются люди, как часто ты слышишь «спасибо», как даришь кому-то свет?

Я задумалась. Меня еще не до конца пробрала мысль о том, что я умерла. Представить себя Ангелом после всего этого не так просто, как кажется.

Да и я не то что бы дарила людям свет. Скорее могла указать на их косяки и дать волшебного пинка, который впоследствии приводил их к более светлой полосе в жизни. Но со своей собственной жизнью я не справилась.

— Что это значит? – с покорностью в голосе я обратилась к новому другу.

Он кивнул на поверхность плиты, на которой мы сидели. То, что до этого казалось мне просто орнаментом, вдруг ожило и превратилось в миллионы картинок, разбитых на равные квадраты. Каждый квадрат таил в себе не понятный мне набор символов и переплетающихся нитей. Символы двигались, будто это нечто живое и творящееся прямо сейчас.

— Место, где мы находимся – Зал Судеб. Эти рисунки – судьбы людей, – пояснил Леша.

— Значит все заранее предрешено? — как и многие, я часто задавалась вопросом, есть ли судьба или жизнь строится так, как мы ей прикажем.

— Если бы все было продумано заранее, пропал бы смысл самой жизни. – Леша ткнул пальцем в квадрат, рисунок в котором пульсировал, толкая золотистые нити от одного угла к другому. — Вот тут сейчас происходит что-то очень напряженное, видишь?

На коленях я подползла ближе к этому квадрату.

— Но как понять, что именно?

Леша немного смутился и, не глядя на меня, пробормотал:

— Этому не учат на курсе Ангелов.

— Курс Ангелов? — я не сдержала сдвоенный смешок. — Серьезно? И тут без высшего образования никак?

— К сожалению, не все рождаются такими, как ты, — без тени обиды ответил парень.

Я еще раз осмотрела квадрат, стараясь разглядеть в нем хоть какой-то смысл.

— Я ничего не понимаю, — сдалась я.

— Наверное, нужно время. Земная жизнь немного притупила твои способности, — он снова широко улыбнулся.

— Что дальше? Я отправлюсь на войну спасать жертв чьих-то политических амбиций?

— Мне нравится твоя готовность, только ты еще не все закончила.

Где-то внутри я ощутила тяжесть, будто боль от удара только сейчас настигла меня. Лучше бы это был тот удар.

— Ты должна попрощаться со своей земной жизнью, — голос Леша раздался в моей голове, хотя парень не раскрывал рта.

— Мы общаемся мыслями, — скептически подытожила я.

Настроение стремительно портилось. Наверное, виной всему то, что я начала терять ощущение того, что это все – лишь сон, а я, поцарапанная и, может быть, даже с переломами, лежу на больничной койке. По правую руку сидит мама, как всегда бледная и встревоженная. В коридоре мельтешат врачи и медсестры, на стуле сидит Артем, сожалеющий об измене и ожидающий моего возвращения из страны Наркозии, чтобы покаяться и вернуть все на свои места.

— Пойдем со мной, — Леша поднялся и протянул мне руку.

Держась за руки, мы направились к краю платформы.

— Мы прыгнем вниз? – я с недоверием осмотрелась.

Не успела я получить ответ от сопровождающего, как перед нами выросла стена с массивной деревянной дверью. Мы остановились. Камень с моих плеч свалился – прыгать, к счастью, не придется. Никаких ангельских крыльев я пока не ощущаю.

— Там впереди Зал Пороков. Подумай о своих, — посоветовал Леша.

С интересом изучая резную поверхность двери, я поймала себя на мысли, что все здесь устроено по-детски логично. На двери то ли скалился, то ли улыбался удивительной работы лис.

— Ну что за стереотипы, — я осуждающе покачала головой и толкнула дверь вперед.

Моему взору предстал не столько зал, сколько коридор. Или даже не коридор, а узкая полоса пола, уходящая куда-то далеко вперед. Стены снова исчезли. Двери и Зала Судеб за моей спиной не оказалось. Нет, высоты я не боюсь, но желудок предательски сжался, а на лбу проступила испарина. Рановато мне крылья выдавать. Если и заслужила, то только куриные из какого-нибудь захудалого фастфуда.

В отличие от Зала Судеб, в этом коридоре не было квадратов с загадочными переплетениями нитей. Вместо этого на полу лежали неприметные серые ковры, напоминающие болотистое зарево. Я озадаченно взглянула на Лешу, ожидая пояснений. В ответ на мой взгляд он лишь кивнул на ближайший ковер, приглашая меня сделать шаг вперед.

Едва я ступила на первый ковер, меня заволокло густым дымом. За плотной завесой я не могла различить, на месте ли Леша. На мгновение мне даже показалось, что сон закончился, и мне пора проснуться в больничной палате. Надеюсь, мама принесла миндальное печенье.

Туман вокруг меня начал сгущаться. От общей массы отделился силуэт мужчины. Туманный спутник направился ко мне. Я всегда не любила фильмы ужасов, ведь, как бы ни кричала смазливая девчонка в короткой юбке, ее все равно убьют. Стоя практически в самом центре урагана я ощущала себя именно такой жертвой очередного низкобюджетного ужастика.

Хотелось кричать и биться в истерике, но страх, с кровью разнесшийся по телу, парализовал меня. Фигура, свитая из тумана, остановилась в полуметре.

Нет, я не видела его глаз, но отчетливо ощущала на себе тяжесть его взгляда.

— Я тебя ненавижу, — голос Артема плитой опустился на мои плечи.

— Артем? — одной только мыслью отозвалась я.

Не веря своим глазам, я сделала шаг вперед, будто это помогло бы мне распознать бывшего парня в угнетающей фигуре.

— Ненавижу, — снова произнес он.

— Это ты? — мне очень хотелось вдруг вывалиться из этого сна. Пусть все окажется как в кино: я открою глаза, а Артем сидит рядом, опечаленный и встревоженный.

— Ты опять ходил к ней. Мог бы остаться там, — голос Артема понизился. В моей памяти начали всплывать картинки нашей совместной жизни.

Это не слова Артема. Это мои слова. Я устроила парню истерику, после того как он встретился со своей бывшей девушкой. Меня выводила из себя единая мысль о том, что они могут встретиться, что им есть, о чем говорить.

— Убирайся к черту! — хриплый крик прошел сквозь меня.

Охваченная отчаянием, я опустилась на колени перед туманным человеком. Перед своей ревностью.

— Прости, — дрожащим голосом произнесла я, не поднимая головы.

— Ты худшее, что было в моей жизни, — мои слова, произнесенные голосом любимого человека, втаптывали в ковер.

В голове пролетело еще множество сцен, разыгранных мной по поводу и без. Все ниже и ниже хотелось прильнуть к ковру, только бы сбежать от проклятий, изрыгаемых моими словами.

— Пожалуйста, — моля о прощении, я подняла глаза, и увидела себя. Яростную, беспощадную.

Мои же глаза смотрели на меня с невыразимой ненавистью.

— Ничтожество, — моя копия презрительно покачала головой и растворилась.

Завеса рассеялась, передо мной снова возник Леша. Я по-прежнему стояла на коленях посреди ковра, осознавая происходящее. В висках еще стучал мой собственный голос: «Ничтожество».

— Ника, — ободряюще начал Леша, но я его пресекла.

— Разве Ангел может быть таким? — спросила я, держа в голове свой взгляд, полный ненависти.

— Это человеческая природа, — Леша виновато пожал плечами.

— Это я. Не нужно оправданий, — отрешенно произнесла я, поднявшись.

Впереди был следующий ковер.

Я оказалась на своей кухне. В тишине и покое. Страх постепенно покидал сознание, но общее напряжение не отпускало. Зал Пороков не станет показывать мультики о счастливой жизни.

В комнате появилась мама. На ее лице светилась счастливая улыбка, она крутила на пальце кольцо со скромным камнем. Странно, я никогда его не видела. Как и не видела такой счастливой мамы. Или я просто не замечала?

Хлопнула входная дверь, мама подпрыгнула от неожиданности. Она спрятала руку с кольцом за спину, вторая же рука то и дело поправляла идеально лежащие волосы, местами подернутые сединой.

— Мам, я не буду ужинать, — мой голос раздался из ванной.

Мамино лицо немного поникло. Кажется, она хотела отметить событие.

— Ребенок, мне нужно тебе что-то сказать, — нервничая, крикнула мама.

Я вошла в кухню прямо в куртке. Недовольная, я с шумом опустилась на стул.

— У тебя пара минут, я опаздываю. — Коротко ответила я.

Глядя на такую себя, мне стало противно. Будто не замечая поведение ребенка, мама снова широко улыбнулась, собираясь сказать важную новость.

— Мы с Григорием Александровичем хотели бы устроить семейный вечер и посидеть вместе в кафе его сестры, — мама счастливо улыбалась, ожидая, что я догадаюсь.

Я прекрасно помню тот день. После расставания с папой в жизни мамы не было мужчин. Это казалось мне правильным. С самого детства, когда отец ушел, я чувствовала себя брошенной, и на уровне подсознания мне непременно хотелось, чтобы мама чувствовала то же самое.

Нам было хорошо вместе. Она посвятила свою жизнь мне. И я свою жизнь посвятила себе. Одна команда – одна цель. Иногда в голову закрадывались мысли, что неплохо было бы, чтобы у нее кто-то появился, ведь я слишком взрослая, чтобы носить на своих плечах столько материнской опеки. Даже в желании устроить личную жизнь мамы был свой корыстный подтекст.

За полгода до моей смерти, в феврале, мы с Артемом решили вытащить маму на каток. Столько лет она хвалилась тем, что в молодости была самой умелой фигуристкой на дворовом катке. Мы требовали доказательств.

Это был хороший зимний вечер. Счастливые и разгоряченные, мы пили глинтвейн из термоса в перерыве между заездами. Я предложила маме пробежаться на коньках наперегонки. Кто придет первым – тот и победил.

Как же я была глупа. Но эта выходка привела маму туда, куда нужно.

Через сто метров от старта мама споткнулась и упала. Я заметила это, только прибыв к финишу. С победной улыбкой на лице я обернулась проверить, не сдалась ли хвостунья-фигуристка.

Увидев, как Артем на руках уносит маму с катка, я разволновалась и рванула к ним. На такси мы уехали в ближайший травмпункт, где еще около часа просидели в очереди, допивая глинтвейн и рассуждая на тему, кто и что ломал за свою жизнь. Артем шутил, мама смеялась, я держала ее за руку, коря себя за то, что заметила ее отсутствие только на финише.

Мимо прошел высокий мужчина в голубом халате. Мама рассмеялась после очередной шутки Артема. Врач остановился и, глянув на нас через плечо, решил отложить дела. Он опустился на колени перед замолчавшей мамой. Симпатичный доктор лет сорока пяти на вид взялся осматривать мамину ногу. Наконец, он поднял на нее карие глаза и произнес с легкой улыбкой:

— Хотел бы я так хохотать со сломанной ногой.

— Это всего лишь нога, — отмахнулась мама.

— Так, вы идете со мной. Отказов не принимаю, — он уверенно подхватил маму на руки и унес ее в свой кабинет в конце коридора.

Так в нашей жизни появился Григорий Александрович. К сожалению, у меня не было времени познакомиться с ним поближе. У меня даже не было времени на то, чтобы узнать мамины чувства на его счет. Я была поглощена своей жизнью.

Когда мама пыталась сказать мне о том, что доктор сделал ей предложение, я торопилась попасть на день рождения друга Артема. Меня не радовал тот факт, что Артем уже там, а я – нет. Ведь его бывшая Аня тоже приглашена. Как показал предыдущий ковер, у меня к ней было особое отношение.

— Мам, семейный вечер – это круто. Я одобряю. Хорошо вам посидеть, — я по-братски похлопала маму по плечу и направилась в прихожую.

— Ника, подожди, — мама уже не прятала кольцо, выбегая следом за мной. — Это важно.

Аккуратно выводя помаду на губах и глядя лишь на свое отражение в зеркале, я ответила:

— Передавай привет Григорию, — я послала маме воздушный поцелуй и вылетела из дома.

В отличие от предыдущего ковра, мне не было страшно. Было стыдно и очень обидно за маму. Раньше мне часто хотелось оказаться в кино. Я главная героиня, а моя жизнь – хорошо продуманный сериал. Мне казалось, что зрители восхищались бы мной. Моей красотой, сильным характером, хорошим чувством юмора и умением дерзко импровизировать. Я витала в облаках своего самолюбия, не подозревая, что в аудитории моего сериала нашлось бы немало желающих наказать несносную героиню.

Глядя на себя со стороны, я все больше убеждалась, что в Ангелах мне не место, и Леша, должно быть, сильно ошибся на мой счет.

Мама сняла кольцо с пальца и убрала его в шкатулку. Улыбки на ее лице как ни бывало. Жаль, но к этому диалогу она больше не возвращалась. Примерно через два месяца я умерла.

Мама исчезла. Нахмурившись, я сошла с этого ковра и с непониманием посмотрела на Лешу.

— Я даже не подозревала, что я такая, — шепнула я.

В мыслях застыл образ счастливой мамы, старательно прячущей от меня кольцо.

— Это не ты. — Леша подбадривающее погладил мое плечо. — Это человек в тебе.

— Кто же еще живет во мне? — я пожала плечами, а Леша в ответ лишь широко улыбнулся и пошел дальше по коридору.

Я последовала за ним.

— Живя на Земле, — начал мой новый друг, — человек становится промежуточным звеном между Светом и Тьмой. Если быть точным, человек – дитя единения Тьмы и Света, и потому нет ничего странного в том, что при жизни мы совершали поступки, за которые нам стыдно, — Леша запнулся, словно окунулся в воспоминание из своей земной жизни. — Жаль, что извлечь урок из таких поступков получается не всегда. По крайней мере, пока мы живы.

— Что видел ты там, на коврах? — я махнула рукой назад, но, обернувшись, обнаружила, что коридор сократился вдвое и не увеличивался, сколько бы мы ни шли. Ковров позади нас и в помине не было.

— За свою короткую жизнь я успел попробовать слишком много, — задумчиво протянул парень. Мне хотелось расспросить его о подробностях, но коридор внезапно закончился. Как и наш разговор. Совпадение ли?

— Что за этой дверью? — с энтузиазмом я навалилась на дверь, но Леша придержал меня за плечи.

— Не торопись. Сначала нужно убедиться, что ты готова, — весь его вид сквозил нерешительностью.

— Что там? — настойчиво спросила я.

— Там твоя жизнь без тебя, — выдал он, избегая смотреть в мои глаза.

— Не понимаю, — я покачала головой и толкнула тяжелую дверь.

В лицо ударил ослепляющий солнечный свет. От ночного неба, усыпанного звездной пудрой, не осталось и следа. Спустя пару минут я смогла, наконец, открыть глаза и осмотреться. Мы по-прежнему находились на огромной по площади плите прямоугольной формы. Ни стен, ни потолка — только открытое небо и убегающие вверх колонны. В самом центре фонтан наподобие тех, что ставят в городских парках.

Недоумевая, где же тут жизнь без меня, я обернулась и вопросительно посмотрела на своего нового друга. Вероятно, он не мог подобрать подходящие слова и в качестве ответа послал мысленный образ. Так я поняла, что мне нужно делать.

По велению Леша я подошла к фонтану и присела на его мраморный борт. Ровная поверхность воды блеснула, словно приветствуя гостью. Сдерживая нарастающую тревогу, я опустила одну руку в воду, и, едва только моя ладонь коснулась воды, поверхность ее покрылась мелкой рябью. Мое отражение ушло под воду. В фонтане, как в море, менялась погода, и назревал шторм.

Хотелось обернуться и заручиться поддержкой Леша, но какая-то сила помешала мне это сделать. Только одна мысль навязчиво засела в голове, и, следуя этому призыву, я склонилась над водой и, глубоко вдохнув, опустила лицо под воду.

В голове с лихорадочной скоростью пробежали образы людей, которых я некогда знала. Не понимая, что нужно делать, я старалась не всматриваться в их лица.

Наконец, фигуры в моей голове сбросили скорость, и я смогла рассмотреть лицо своей матери. А потом и свое лицо на деревянном кресте над могилой — видимо, тоже моей.

Мама она сидит на коленях у креста. Ее взгляд рассеянно бродит по памятникам вдали. Бледные ладони гладят землю, и плечи вздрагивают от сдерживаемых слез.

— Лена, — мягкий мужской голос зовет маму, будто извиняясь за вторжение в пространство, принадлежащее только ей и мне.

Хочется посмотреть, кто пришел проститься со мной, но я не могу оторвать глаз от мамы. Она не может оторваться от меня.

— Мне было двадцать, когда я первый раз потеряла ребенка, — безразлично, будто просто к слову пришлось, кинула мама.

Внутри меня что-то кольнуло: ревность или беспокойство — не знаю. Я родилась, когда маме было двадцать четыре, и она никогда не упоминала другого ребенка.

— У меня мог быть сын Тимоша, — она все еще разглядывала могилы вдали. — Ему сейчас было бы почти тридцать. Взрослый мужчина. Он смог бы уберечь Веронику. Я не смогла, а он смог бы, — на моем имени голос мамы дрогнул. Она повернула голову на мужчину, и на ее щеке блеснула слеза. — Оба моих ребенка были бы живы.

Мужчина опустился на колени рядом с мамой и крепко обнял ее за плечи. В нем я узнала врача Григория и где-то внутри порадовалась, что он сейчас с мамой. Только в это мгновение мне вдруг пришло на ум, что я — единственное, что было у мамы. Она никогда не говорила мне о родственниках, я не ездила к бабушке на каникулы, тети не сидели со мной, когда маме

нужно было отлучиться по делам, отец перестал существовать с тех пор, как мне исполнилось тринадцать.

Она всегда была со мной. Почему-то я считала это ее обязанностью и не понимала, скольким она жертвует ради меня. Во мне нарастало отторжение самой мысли, что меня больше нет, что я не вернусь и не прижмусь к маме, не расскажу ей, что я все поняла, что люблю ее, но не могу дать того, что она заслуживает – хорошей дочери рядом.

Я протянула руку, чтобы коснуться ее щеки. Ледяная – она или я – не пойму. Холод маминой щеки вытаскивал далекое воспоминание, и я перенеслась от своей могилы на двадцать лет назад к могиле своего несостоявшегося старшего брата.

Я еще мелкая, на мне пестрое летнее платье с рюшами, в волосах ободок с золотистыми рюшечками. Мама присела рядом со мной. Непривычно видеть ее молодой – без морщинок у глаз и губ, без седины, с ярким открытым взглядом и светлой улыбкой.

Мама берет мою ладошку и касается ей маленького гранитного памятника. От холода гранита мое детское тело вздрагивает, но я не убираю ладони. Лишь вопросительно смотрю на маму через рюши на плече.

— Это твой брат Тимофей, — с нежностью в голосе объясняет мама.

— Где он? — я хлопаю зелеными глазами, непонимающе осматривая гранитную плиту.

На глазах мамы появляются слезы, но она продолжает улыбаться. Рядом с мамой присаживается папа. Он сажает меня на свои колени и носом утыкается в мои темные волосы. Папа дрожит и, кажется, я дрожу вместе с ним. Не та я, не маленькая. А я мертвая.

— Малыш, у Тимоши важная работа, — пробормотал папа, улыбаясь одним только уголком губ. — Он охраняет нашу семью.

Взгляд маленькой Ники наполнился благодарностью. Мама с папой переглянулись. Папа прижал меня к себе крепче и коснулся губами лба мамы. Я ничего не понимала, но была уверена, что все мы под надежной защитой не знакомого мне брата Тимофея.

Я закрыла глаза и отпрянула от фонтана. Из глаз градом сыпались слезы. Я что-то бормотала, но Леша обхватил меня руками, и фонтан исчез. Мы опустились на землю, и я разрыдалась на груди друга.

Слезы быстро кончились. Осталось чувство жгучей несправедливости за все, что произошло с моей семьей.

Мельком осмотревшись, я обнаружила, что мы уже не в зале с фонтаном. Леша перенес нас в огромный сад с ковром из сочно-зеленой травы, с деревьями, в чьей густой кроне поют птицы. В тени деревьев невдалеке от нас отдыхают люди, играют дети – все одеты в белое. Будто картинка с брошюры, которые предлагают сомнительные попутчики в автобусе, пристающие с вопросами, верю ли я в бога.

— Как ты? — Леша смотрит на меня с пониманием.

— Это всегда так тяжело?

Парень пожимает плечами.

— Не знаю, у меня это было только раз. Сначала думал, что никогда не захочу повторить этот момент, — он замолчал, глядя на изумрудные холмы вдаль, но спустя секунду продолжил, — а потом я понял, что это был последний шанс увидеть родных людей.

Мы обменялись хмурыми взглядами.

Хотелось расспросить Лешу обо всем, что будет дальше, но мои руки вдруг начали дрожать – так, словно я была ненастоящая. Голограмма из будущего.

— О, — ляпнула я с неким удовлетворением. — Похоже, просыпаюсь от наркоза. Надо же, знатные были галлюцинации

— Не хочу тебя расстраивать, — обеспокоенно возразил Леша, глядя куда-то вдаль, — но, кажется, тебя заметили. Надеюсь, мне не влетит за то, что я тебя встретил.

— Встреча со мной не сулит ничего хорошего, — я попыталась отшутиться, хотя было уже не до смеха. Меня здорово трясло.

Ветер проник в кроны деревьев и принялся раскачивать их так, что в ушах загудело от громкого шелеста.

— Они здесь, — в благоговейном ужасе прошептал Леша, опускаясь на одно колено. Ох, я все еще надеюсь на наркоз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.